

Новая аграрная стратегия XIX съезда КПК: цели и проблемы

© 2018

Л.Д. Бони

В статье исследуется новая аграрная стратегия Китая, выдвинутая XIX съездом КПК: ее цели, роль и значение; рассматривается специфика основного социального противоречия, новые вызовы и новые перспективы на пути развития китайской деревни.

Ключевые слова: стратегия подъема деревни, модернизация, «возрождение производства», качественное сельское хозяйство, «зеленое» сельское хозяйство, доходы крестьян, урбанизация, сельские мигранты, взаимоотношения города и деревни.

DOI: 10.31857/S013128120001139-3

КПК разворачивается лицом к деревне

Китайская деревня дождалась своего часа: XIX съезд КПК (октябрь 2017 г.) выдвинул новую аграрную стратегию — *стратегию подъема деревни* (нуңцунь чжэньсин). Обозначив аграрные проблемы как «коренные, касающиеся национальной экономики и благосостояния народа» и указав на необходимость расценивать их решение как «важнейшую задачу всей работы партии», съезд поставил задачу: обеспечивая приоритетное развитие сельского хозяйства и деревни и исходя из общих требований *стратегии подъема деревни*, форсировать модернизацию сельского хозяйства и деревни¹.

Согласно «Документу ЦК КПК и Госсовета КНР № 1, 2018 г.» (далее — Документ № 1) осуществление *стратегии подъема деревни* — важный политический проект XIX съезда партии, нацеленный на окончательное решение задач полного построения общества среднего достатка (*сяокан*) и модернизированной социалистической державы, «окончательный проект решения аграрной проблемы в новую эпоху»².

Таким образом, выдвижение новой аграрной стратегии напрямую увязано с реализацией двух основных исторических задач КНР на первую половину XXI века — преодоления бедности и осуществления социалистической модернизации — двух главных вех и основного содержания строительства социализма с китайской спецификой новой эпохи. Но если первая из этих задач (полное построение общества *сяокан*) вполне понятна, то роль *новой аграрной стратегии* в решении второй исторической задачи обозначена в Документе №1 слишком абстрактно. Ниже нам предстоит ее конкретизировать.

Роль и место *новой аграрной стратегии* в решении вышеназванных «двух главных задач столетней борьбы» в общем и целом состоит в преодолении основного социального противоречия Китая новой эпохи, обозначенного в докладе XIX съезду как «противоречие между постоянным стремлением народа к прекрасной жизни и несбалансированностью и неполнотой развития»³. Документ № 1 подчеркивает, что сегодня проблема

несбалансированного, недостаточного развития в стране в самой острой форме присутствует в деревне, и осуществление *стратегии подъема деревни* является насущно необходимым для разрешения этого противоречия, для достижения двух целей «столетней борьбы», осуществления мечты всего народа об общем благосостоянии (*гунтун фуюй*)⁴.

Несомненно, центральным звеном в преодолении главного социального противоречия в деревне выступает кардинальное решение аграрной проблемы Китая, что подтверждает и полное совпадение этапов реализации *стратегии подъема деревни* с этапами построения общества полного *сяокан* и осуществления социалистической модернизации страны в целом: к 2020, 2035 и 2050 г.

К концу 3-го из названных рубежей (2050 г.) должна быть выполнена задача превращения КНР «в богатую и могущественную, демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную, модернизированную социалистическую державу»⁵. Именно к 2050 г. предполагается полностью решить задачи *стратегии подъема деревни* и сделать «сельское хозяйство сильным, деревню — красивой, крестьян — богатыми»⁶.

Известно, что идея «сильного, красивого, богатого» (*цян-мэй-фу сысян*) в приложении к понятию *сань нун*⁷ как образный символ мечты китайского крестьянина была предложена Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. в качестве абстрактного критерия конечной цели решения аграрной проблемы. Китайские ученые намерены придать этому понятию-символу внутреннее содержание и обоснование на основе научных критериев⁸.

«Главное противоречие новой эпохи» в деревне: причины и следствия

Выдвижение XIX съездом КПК *стратегии подъема деревни* как важнейшей программы общенационального уровня по преодолению основного социального противоречия в деревне обусловлено рядом факторов, включая причины хронического характера (объективные и субъективные), изменение социально-экономического положения деревни в процессе урбанизации и индустриализации последних десятилетий, переход к новому этапу развития (так называемому этапу новой нормальности).

С начала 2000-х годов основным направлением борьбы с очевидным отставанием аграрной сферы стал курс на решение аграрной проблемы *сань нун* с акцентом на ее ключевые звенья — сельское хозяйство (в основном — производство продовольствия) и крестьянство (в основном — повышение доходов крестьян). Важным успехом этого курса стало последовательное решение проблемы продовольственного обеспечения населения страны и соответствующий рост доходов крестьян. Однако в целом отставание деревни, агросферы в силу ряда причин преодолеть не удалось, разрыв в темпах роста экономики города и деревни, в уровне доходов горожан и крестьян продолжал нарастать.

Первым важным шагом нового китайского руководства в решении этих проблем стали установки XVIII съезда КПК (2012 г.) и 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (2013 г.) по вопросам углубления реформ в деревне и модернизации сельского хозяйства. Последние пять лет в разных районах КНР шли эксперименты по отработке основных направлений этих реформ, готовились теоретические, институциональные и правовые основы грядущих преобразований, нацеленных на смену модели развития аграрной экономики.

Тогда же реализация стратегической задачи полного построения общества «среднего достатка» (*сяокан*), вступившая в заключительную стадию (период 13-й пятилетки, 2016–2020 гг.), вплотную столкнулась с наличием серьезного отставания деревни, аграрной сферы от критериев «полного *сяокан*». Хотя по двум основным критериям (удвоение ВВП и удвоение подушевых доходов населения города и деревни за период 2010–2020 гг.) дела обстояли относительно благополучно (их выполнение тесно увязано с планом 13-й пятилетки по темпам роста экономики, доходов населения и фактически гарантировано самим успешным его выполнением), по всем прочим критериям деревня

официально отнесена к «самому отсталому звену». Эти критерии, характеризующие в большей мере качество развития общества «полного сяокан» (*«сбалансированное, согласованное и устойчивое развитие», «общедоступность результатов реформ и развития»* и др.)⁹, резко контрастируют с реальным социально-экономическим состоянием и уровнем развития деревни и всей аграрной сферы. Ниже мы рассмотрим причины и факторы, повлекшие перерастание отставания деревни, связанного с более низкой производительностью труда в агросфере, в острейшее социально-экономическое противоречие.

Это, прежде всего, **основной объективный фактор**, неизбежно сдерживающий развитие аграрной сферы, — острый дефицит природных ресурсов, особенно земельных, при огромной численности населения, обусловивший **крайне малый подушевой размер пашни**, с годами все менее способный обеспечить адекватное существование основной массы сельских производителей и их семей¹⁰.

Хотя за годы урбанизации более 40% сельскохозяйственной рабочей силы покинуло земледелие и тенденция дальнейшего сокращения подушевого размера пашни приостановлена, тем не менее средний земельный надел эффективного хозяйства должен быть в разы больше нынешнего. Свою роль в этом сыграл и принцип уравнительного распределения земли при подряде между крестьянскими дворами, принятый на вооружение в 1978–1983 гг. Приветствовавшийся крестьянами как акт справедливости, он позволил поднять интенсификацию простого труда, темпы роста производства и доходов, решить на базовом уровне продовольственную проблему страны, стабилизировать деревенское общество. Однако с годами, при непрерывном росте сельского населения и дефиците земельных ресурсов, уравнительный характер распределения земли оказался типиковым, ибо лишь усиливал измелчание земельных наделов, парцеллярность хозяйств, рост издержек и неэффективности мелкого распыленного производства крестьянского двора, снижая способность земельного надела поддерживать существование земледельцев в основной массе районов. В итоге чистый распределяемый доход двора от сельского хозяйства (1-й сферы) составил в 2014–2016 гг. только 14,7% всего дохода¹¹. Прирост дохода крестьянского подрядного хозяйства сегодня опирается в основном на источники вне сельского хозяйства, деревни. Нужна глубокая реформа нынешней системы землепользования в КНР, переход от административного уравнительного распределения земли к более эффективному принципу размещения земельных ресурсов, т.е. на основе рыночного обращения, чтобы создать условия для концентрации земли и развития укрупненных хозяйств как важного шага к развитию современного, рентабельного сельского хозяйства.

Главным субъективным фактором, повлекшим превращение деревни в «главное отстающее звено», является система «двухосновной структуры города и деревни» (*эрюань чэнсянь цзегоу*), т.е. система раздельного управления городом и деревней. Возникшая в конце 1950-х годов как инструмент мобилизации внутренних накоплений сельского хозяйства, деревни на нужды индустриализации страны, эта система, выполнив данную задачу, продолжает функционировать и поныне. Исходя из принципа «раздельное управление городом и деревней» и опираясь на установки — **«сельское хозяйство пополняет промышленность», «деревня поддерживает город», «брать больше, давать меньше, управлять жестче»**¹², — эта система долгие годы осуществляла перераспределение ресурсов между деревней и городом в пользу последнего. Следствием этих системных «урегулирований» стало резкое ограничение основных прав субъектов коллективной формы собственности и имущественных прав крестьян, что неизбежно привело к диспаритету правовых и институциональных начал в отношениях двух основных сфер китайской экономики — промышленности и сельского хозяйства, — искусственно разделившего город и деревню на два изолированных неравных мира, способствуя все более серьезному отставанию деревни.

Финансовая система страны была перестроена в соответствии с этими принципами и установками, на протяжении десятилетий обеспечивая перераспределение (а фактически изъятие) внутренних ресурсов деревни для нужд города¹³. Все это во многом

определило успех индустриализации, мирное возвышение Китая, однако крестьянство, деревня оказались в конечном счете выведенными за пределы процесса модернизации. Сельское хозяйство, деревня по мере развития промышленности и городов, ускорения темпов экономического роста КНР все больше отставали в своем развитии, постепенно превратившись в «отстающее звено».

Содержание явления «неравномерности, недостаточности развития» китайский источник объясняет как неизбежные последствия экономических реформ, чрезмерной нагрузки на экологию и природные ресурсы, относя их в целом к объективным факторам¹⁴. Однако не меньшую роль в формировании «феномена отставания», несомненно, сыграл такой субъективный фактор, как стратегия государства.

4-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (2004 г.) принял важное решение о формировании новых отношений между городом и деревней, отмене старых установок, провозгласив новые установки: *«возврат промышленности ее долгов сельскому хозяйству», «город поддерживает деревню», «больше давать, меньше брать, оживлять»*. Однако система «двухосновной структуры города и деревни» не была демонтирована, основные ее механизмы продолжают функционировать. Это подтверждает и тенденция сокращения удельного веса общественных инвестиций в основные фонды деревни во всех общественных инвестициях в экономику страны в целом: 23,8% (1996 г.), 20,3% (2000 г.), 15,2% (2005 г.), 12,5% (2014 г.)¹⁵. Что же касается собственно сельского хозяйства, ситуация еще хуже: в 2016 г. инвестиции в сельское, лесное, рыбное хозяйство и животноводство (вместе взятые), включая инвестиции крестьянских дворов, составили лишь 5,7% от всех общественных инвестиций в основные фонды страны¹⁶. Притом что сегодня в деревне постоянно проживает 42,7% всего населения КНР (более полумиллиарда граждан).

Китайский специалист Вань Баожуй называет подобный способ «разрешения отношений между сельским хозяйством и другими отраслями экономики» *«оптимизацией размещения ресурсов между ними»*, представляя его одним из основных положительных опытов за 40 лет экономической реформы в китайской деревне, исходя лишь из факта смены политических установок¹⁷. Однако реальная китайская действительность не согласуется с данным выводом.

В силу указанных выше факторов диспропорции в темпах и уровне развития экономики и жизни горожан и сельчан — серьезней, чем принято считать. *Разрыв в уровне подушевого чистого (денежного) дохода населения города и деревни*, оказавшийся более чем трехкратным, удалось сократить в последние годы (2008–2015) лишь на 11,1%¹⁸ (главным образом путем регулярного повышения закупочных цен на основные виды продукции и дотаций под зерновые). Пару лет назад эта политика претерпела изменения, и стимулировать рост крестьянских доходов стало труднее. В 2016 г. разрыв в уровне доходов составил 2,72: 1¹⁹. По мере замедления темпов экономического роста темпы роста доходов населения города и деревни в последние годы также снизились, при этом снижение темпов прироста доходов крестьян оказалось гораздо значительнее. С 2014 по 2016 г. среднедушевой располагаемый доход населения страны снизился на 1,7 процентных пункта, в том числе горожан — на 1,2 п.п., а сельского населения — на целых 3,0 п.п. Если в 2014 г. темпы прироста располагаемого подушевого дохода крестьян составляли 9,2%, или на 2,4 п.п. выше чем у горожан, то в 2016 г. они составили только 6,2%, или лишь на 0,6 п.п. выше таковых у горожан. То есть темпы прироста доходов населения города и деревни фактически сблизилась²⁰.

Если же принять во внимание степень доступа к здравоохранению, образованию, социальному страхованию и другим основным общественным услугам, то уровень разрыва в доходах населения двух социумов окажется не менее чем 4–5-кратным²¹. Еще более глубокое отставание налицо в отношении основных бытовых услуг — водо- и теплоснабжение, канализация и пр. В более чем 30% административных деревень страны нет водопровода, в 80% отсутствует контроль за загрязнением воды, в 35% — не решена проблема бытовых отходов²².

Третий вид неравенства горожан и сельчан связан с разницей в наличии имущества. У крестьянина фактически нет никакого источника имущественного дохода: он имеет лишь право пользования по подряду коллективной землей (которую могут реквизируют для общественных целей в любой момент), он не может продать или сдать под залог свой дом, так как тот стоит на коллективной земле, а купля-продажа коллективной земли категорически запрещена. В итоге доля имущественного дохода в чистом располагаемом душевом доходе крестьянина в 2016 г. составила лишь 2,2%²³. По мнению китайских ученых, отсутствие необходимых имущественных прав у крестьян, обеспечивающих источники имущественного дохода, — главная причина бедности деревни. Необходима глубокая реформа системы имущественного права в деревне, чтобы оживить имущество коллективной собственности, превратить его в реальный источник доходов крестьян²⁴.

Совершенно очевидно, что преодоление хронического отставания деревни и ускорение темпов роста доходов сельского населения невозможно без глубоких системных и структурных реформ в деревне. Как уже говорилось выше, реформы, начатые после XVIII съезда КПК, пока проходят стадию подготовки и экспериментов. В оставшиеся годы 13-й пятилетки основной упор по «расшивке узких мест» в сельском хозяйстве и деревне в рамках программы «полного сяокан» руководство КНР делало на двух направлениях, тоже крайне важных для китайской деревни: выравнивание уровня доступа к основным общественным услугам в городе и деревне и расширение борьбы с бедностью и ликвидация абсолютной бедности в стране. Успехи в обеих сферах достигнуты существенные²⁵.

Однако сохранение объективных ограничителей роста и глубины хронического отставания деревни, с одной стороны, растущий тормозящий эффект отставания деревни на развитие и модернизацию сопредельных сфер национальной экономики, а с другой — замедление темпов экономического роста и переход к этапу смены модели развития, — все это требовало от руководства страны искать в срочном порядке концептуально новые подходы, чтобы резко ускорить процесс преодоления основного социального противоречия главным образом в деревне. Так появилась новая неординарная аграрная стратегия — *стратегия подъема деревни*.

Социально-экономические сдвиги в деревне

Необходимость новых подходов к решению аграрной проблемы, преодолению серьезного отставания аграрной сферы обусловлена и глубокими изменениями в социально-экономическом развитии деревни в процессе ускоренной урбанизации, индустриализации, демографических изменений. Все это стимулировало новые тенденции в жизни сельского социума, порождало новые вызовы и новые перспективы. А именно:

— **Снизилась значимость экономики земледелия:** крайне малый размер земельного надела у основной хозяйственной единицы — подрядного хозяйства крестьянского двора — перестал обеспечивать существование семьи. В 2014–2016 гг. 46,7% прироста дохода крестьян составили поступления от заработка вне сельского хозяйства, преимущественно от переводов части зарплаты мигрантов, отбывших в города (т.е. практически от городской экономики)²⁶. Как отмечают китайские ученые, при такой «модели» роста доходов (хотя они и росли) любое сокращение или потеря занятости мигрантов-рабочих в городе сразу же сказывается на положении крестьянского двора в деревне.

— **Изменилась структура сельской занятости, возник структурный дефицит рабочей силы:** в поисках источников дохода и новой жизни практически вся молодая и здоровая часть ее ушла в города, на земле остались работать в основном старики, женщины и дети. Упали уровень образования работников, качество работ. Произошло постарение основной части рабочей силы. Согласно данным 3-й Всекитайской сельскохозяйственной переписи, из 314,22 млн занятых в сельском хозяйстве в 2017 г. работники в возрастной группе до 35 лет составили лишь 19,17%, в группе свыше 55 лет — 33,58%. Обработка земли стала не под силу главе двора, приходится обращаться к услугам

со стороны («внешний подряд»), отсюда — резкий рост спроса на механизацию сельхозработ и другие услуги в поле. Механизация и производственно-хозяйственные услуги становятся важной частью производства, а целью развития сельского хозяйства — повышение производительности труда.

— **Соответственно эволюционируют функции сельского хозяйства:** снизилась роль социальной функции земли, усиливается ее имущественная сторона. Потребность в новых источниках доходов стимулирует реструктуризацию производства, развитие других отраслей, ширится сфера услуг в деревне. С ростом доходов населения и изменением общественного спроса (преимущественно у горожан, все более ориентирующихся на качество продуктов питания, чистоту окружающей среды) многообразные ресурсы деревни начинают привлекать внимание, возникают совершенно новые функции — такие, как «зеленое земледелие», сельский туризм и пр.

— **Усиливается дифференциация крестьянства по характеру занятости и доходов:** помимо резкого различия типов занятости в сельской и городской экономиках, первое и второе поколения крестьян сильно отличаются уровнем дохода. Доходы *нунминьгун* (крестьян-рабочих) от заработка в городской экономике в разы выше, чем у отцов-крестьян «первого поколения»: месячный заработок мигрантов подчас равен годовому доходу их отцов, примерно каждый пятый из них сегодня имеет машину. В 2017 г. соотношение дохода верхнего и нижнего децилей (5958 юаней и 64 934 юаней) составило 10,89 раза против 8,2 раза в 2012 г.²⁷ В самое последнее время отмечено новое явление — спад темпов прироста располагаемого среднестатистического дохода крестьян в группе с наименьшим доходом (т.е. в самом нижнем из пяти уровней децилей): в 2016 г. они упали на 2,6%, хотя в тот год число малоимущих (бедных) в деревне сократилось на 12,4 млн человек²⁸.

— **Меняется модель деревни.** Указанные выше процессы повлекли резкое изменение ее облика. По всей стране множится число полупустых и умирающих деревень, что китайские ученые объясняют последствиями урбанизации и отсутствием достаточных и стабильных источников доходов крестьян в деревне.

— **Налицо перемены отношений в системе «город — деревня».** Односторонний поток рабочей силы (из деревни — в город) отчасти меняется на двусторонний: за последние два года (2016–2017) в деревню вернулось до 8 млн мигрантов-рабочих, а всего на их долю в сельской занятости (при сокращении занятости сельскохозяйственной) приходилось в 2016 г. уже более 10% сельской рабочей силы²⁹; одновременно капитал начал искать шансы приложения в деревне.

«**Двухколейная**» урбанизация порождена начавшейся глубокой структурной перестройкой городской экономики как основы перехода к новой модели развития, вытесняющей из ряда отраслей излишки рабочей силы (особенно неквалифицированной). Это обусловлено законами развития самого города. Порвав с сельским хозяйством, не имея навыков и желания работать на земле, вернувшиеся мигранты предпочитают искать работу (и находят ее) в уездных центрах и городских поселках вблизи от дома (*бэнь ди*). Так их родная земля в деревне (*сянь ту*) превратилась в «родные края» (*гу ту*)³⁰.

«Двухколейная урбанизация»: новые вызовы и шансы

Главная особенность нового этапа развития Китая — переход от урбанизации как процесса односторонней сельской миграции в город к «двустороннему движению» рабочей силы в город и деревню, к так называемой двухколейной урбанизации. «Урбанизация подошла сегодня к этапу, когда размещение ресурсов и направление развития с первоначальной ориентации на город поворачивает к равномерному развитию города и деревни. Деревня получает больше шансов для развития, идет формирование новой формы отношений между сельским хозяйством и деревней, с одной стороны, и национальной экономикой, с другой стороны», — утверждает известный китайский экономист Лю Шоуин³¹.

Определенное снижение темпов экономического роста в последние годы неизбежно сопровождается замедлением темпов урбанизации. Впрочем, если исходить из официальной статистики, прирост городского населения оставался на высоком уровне (2013 г. — 13,1 млн, 2017 г. — 13,51 млн человек), а уровень урбанизации в 2017 г. достиг 58,5% (если учитывать лишь лиц с городской пропиской — 42,35%)³².

По данным ГСУ КНР, общая численность мигрантов-рабочих в 2017 г. составила 286,52 млн человек, прирост по сравнению с тем же периодом предшествующего года — 1,7%, при этом 171,85 млн человек заняты далеко от дома (в городе) — прирост на 1,5%, а 114,67 млн человек — вблизи от дома, прирост — 2,0%³³. Можно заметить тенденцию опережающих темпов роста числа мигрантов, занятых недалеко от дома. Однако, согласно данным китайских ученых, реальный вклад прироста численности мигрантов-рабочих в повышение уровня урбанизации резко сократился в последние годы, а данные прироста городского населения во многом не отражают реальностей процесса урбанизации. Во-первых, оказалось, что более половины этого годового прироста численности горожан составил фактор статистики³⁴. Во-вторых, такой источник рабочей силы, непрерывно поступающей в город, как *нунминьгун*, уже не является таковым и ныне практически иссякает³⁵. В итоге: вклад прироста численности мигрантов-рабочих в повышение уровня урбанизации с 31% в 2010 г. упал до 2,3% к 2016 г.³⁶

Возникшая ситуация фактически поставила в повестку дня вопрос о дальнейших тенденциях *урбанизации нового типа*³⁷. С одной стороны, пока доход от земледелия мал для поддержания существования крестьянских семей, другие сферы сельской экономики недостаточно развиты, а условия жизни во многом уступают городским, миграция из деревни в город будет продолжаться. С другой стороны, снижение темпов урбанизации положило начало процессу возвращения некоторой части мигрантов-рабочих обратно в деревню.

Дальнейшие перспективы урбанизации волнуют и руководство КНР, и ученых. Объясняя причины замедления темпов урбанизации, Чэнь Ивэнь (зам. главы Комитета по сельскому хозяйству и деревне ВСНП КНР, долгие годы возглавлявший в ЦК КПК Кабинет по работе в деревне) связывает это со снижением возможностей городской экономики в условиях старой модели развития и процессом реструктуризации производства: «Развитие города до настоящего уровня таково, что у него нет возможностей (как раньше) принимать ежегодно от нескольких до более десяти млн сельских мигрантов. Как решать вопрос с занятостью крестьян?.. Если мы рассматривали пашню как первое пространство занятости, то его оказалось недостаточно. Тогда освоили второе пространство занятости: а именно город и несельскохозяйственные отрасли. Но сегодня, на новом этапе, этого все же недостаточно. Поэтому надо осваивать третье пространство занятости, а именно дать крестьянам возможность оставаться в деревне, но не опираться на пашню»³⁸. «Предстоит большая работа: сделать деревню красивой и привлекательной, чтобы оттуда не уходили люди и, более того, чтобы создать в деревне новую сферу занятости несельскохозяйственного направления, позволяющую обеспечить достаточный рост доходов сельского населения, максимально сократив разрыв в уровне доходов с городским»³⁹.

Из программы *стратегии подъема деревни* (ее экономического раздела) явствует, что одной из основных задач 2-го этапа является максимальное расширение занятости в деревне, создание нового, «третьего пространства занятости»⁴⁰.

Цай Фан — ведущий специалист по проблемам урбанизации и вице-президент Академии общественных наук Китая — в статье «Как поддержать более длительный путь урбанизации нового типа»⁴¹, касаясь снижения темпов урбанизации на новом этапе развития, поднимает вопрос о серьезном вызове, вставшем перед процессом урбанизации, модернизации страны. Прежде всего, согласно общим законам развития, уровень урбанизации является одним из признаков степени развитости страны, ни одна страна не может осуществить модернизацию при сравнительно низком уровне урбанизации. Это касается и Китая. Согласно Цай Фану, реальный уровень урбанизации в стране сегодня еще низок, она еще далеко не выполнила свои задачи, поэтому урбанизация нового типа

по-прежнему должна оставаться важным двигателем роста экономики и структурных преобразований. Поскольку весь процесс урбанизации есть перемещение рабочей силы и других факторов производства из сферы с низкой производительностью труда (сельского хозяйства) в сферу с более высокой производительностью, то ее предназначение заключается как раз в том, чтобы представлять собой непрерывный процесс повышения производительности труда. В период реформ и политики открытости (1978–2015 гг.) производительность труда рабочей силы в стране в целом выросла в 16,7 раза, и вклад факторов производства в этот процесс составил для 1-й, 2-й и 3-й сфер экономики соответственно: 23%, 32% и 11%, или в целом 56%, пишет далее Цай Фан. В то же время вклад в рост производительности труда от перемещения рабочей силы из сельского хозяйства во 2-ю и 3-ю сферы экономики составил остальные 44%. Таким образом, перемещение рабочей силы из деревни в город является важной движущей силой урбанизации в Китае, и по этой причине проявленный эффект от перераспределения рабочей силы между тремя сферами производства также реализуется в процессе урбанизации⁴².

Если посмотреть на проблему «обратной миграции» путем простого сравнения производительности труда рабочей силы в отдельной сфере со средним базовым уровнем, то окажется, что обратный поток мигрантов-рабочих из города в деревню как раз соответствует возвращению рабочей силы из сферы занятости с высокой производительностью труда в сферу занятости с низкой, что может означать откат назад от процесса повышения производительности труда. А это полностью противоречит стратегии развития этапа «новой нормальности», требующей перевода всей общественной экономики на колею роста производительности труда, причем эффективность перегруппировки ресурсов сегодня остается главным источником повышения производительности труда, считает Цай Фан⁴³. И в связи с этим он задается вопросом: «Приведет ли обратное перемещение мигрантов-рабочих в деревню к повышению производительности труда в этой сфере и отсюда — к ее повышению во всей экономике или наоборот?».

Обеспечить восходящую тенденцию роста производительности труда в условиях «двухколейной урбанизации» — задача огромной трудности. Как ее выполнить? Здесь все надежды возлагаются как раз на *стратегию подъема деревни*, выдвинутую XIX съездом КПК: «Осуществление стратегии подъема деревни и урбанизация нового типа не противостоят друг другу, у них одна и та же сфера деятельности, они взаимосвязаны, взаимно дополняют и стимулируют друг друга. Особенно важно знать, что лишь при совместной реализации *стратегии подъема деревни и урбанизации нового типа* можно лучше уяснить цели последней, более согласованно использовать методы ее реализации. ***Стратегия подъема деревни и урбанизация нового типа — неизбежный путь создания современной экономической системы и осуществления модернизации страны***»⁴⁴ (выделено мной. — Л.Б.)

Наконец, существуют крайне важные аспекты «увязки» *стратегии подъема деревни с урбанизацией нового типа*, касающиеся непосредственно модернизации сельского хозяйства, деревни. С точки зрения реализации *стратегии подъема деревни*, осуществление модернизации сельского хозяйства, деревни неизбежно требует развития масштабного хозяйствования, а размеры масштабных хозяйств, возможности их укрупнения в силу острого дефицита пашни могут быть лишь ограниченными, иначе при быстром укрупнении размеров хозяйств может возникнуть безработица, т.е. темпы развития современных форм хозяйств напрямую зависят от урбанизации. С точки зрения развития урбанизации, перемещение рабочей силы с земли также требует своим предварительным условием повышения производительности труда в сельском хозяйстве (чтобы возник излишек рабочей силы), что испытывает ограничения со стороны малых размеров самих «масштабных хозяйств». Таким образом, необходимость тесной взаимосвязи модернизации сельского хозяйства, деревни и урбанизации нового типа объективно важна и насущна. Эту трудную проблему их взаимозависимости призваны решать *стратегия подъема деревни* и другие меры.

Все вышеназванные тенденции свидетельствуют о серьезно изменившемся положении деревни в системе отношений «город — деревня», о новой исторической роли деревни как сельского социума в решении аграрной проблемы и социалистической модернизации страны в целом, которое китайская наука трактует в качестве нового периода социально-экономического развития страны на пути исторической трансформации от традиционного к современному обществу. Упомянувшийся в статье ученый-аграрник Лю Шоунь первым обратил на это внимание и дал определение этому новому периоду в развитии страны: *«Индустриально-аграрный Китай — вот основное социально-экономическое состояние страны на значительно длительный период времени»*⁴⁵. Это новое стадийное состояние Китая характеризуется существенной эволюцией отношений в системе «город — деревня» и объективной необходимостью полноценного развития деревни, сельского социума, сохраняющего такие обширные масштабы и значение в силу исторических причин, так называемой основной обстановки, ибо страна не может сразу перейти в положение индустриальной, ей предстоит длительный переходный период индустриально-аграрного развития. И на этом новом этапе китайская деревня получила новую аграрную стратегию — *стратегию подъема и развития*.

Содержание и концептуальная новизна стратегии подъема деревни

Содержание *стратегии подъема деревни* богато, в нем сочетаются преемственность и новизна.

Первый план новой стратегии, именуемый кратко «опыт последнего пятилетия», фундаментален, он фактически представляет собой комплекс направлений основных системных и структурных реформ в деревне (в стадии экспериментов или реализации), включая проблему продовольственной безопасности страны, лежащих в основе аграрной политики и подтвержденных полностью в докладе XIX съезду КПК.

Второй план новой стратегии — ряд инновационных системных установок, которые в теоретическом, институциональном и правовом отношениях призваны обеспечить необходимые условия для реализации *стратегии подъема деревни*, аграрной политики и реформ в деревне в новых условиях.

Оба плана, взаимно соединяясь, дают новые концепции и подходы к решению модернизации сельского хозяйства и деревни, аграрной проблемы. Эти восемь инновационных положений таковы:

- 1) «осуществлять приоритетное развитие сельского хозяйства, деревни»;
- 2) проводить пять направлений «модернизации сельского хозяйства, деревни» — «возрождение производства», «благоустроенность с точки зрения экологии», «цивилизованность местных нравов», «эффективность управления» и «зажиточность жизни»;
- 3) «создавать здоровый системный механизм и систему политик интеграционного развития города и деревни»;
- 4) «форсировать модернизацию сельского хозяйства, деревни»;
- 5) «установить срок в 30 лет для продления земельного подряда после завершения его второго срока действия (2028 г.)»;
- 6) «осуществлять органическое единство в развитии хозяйств мелких крестьянских дворов и современного сельского хозяйства»;
- 7) «оздоровить систему управления в деревне, увязывая самоуправление, управление на основе закона и управление на основе морали»;
- 8) «воспитать отряд тружеников аграрного фронта, понимающих сельское хозяйство, любящих деревню, любящих крестьян»⁴⁶.

Важнейшие из новых концепций следующие:

— XIX съезд КПК предложил комплексный подход к решению аграрной проблемы, впервые поставив китайскую деревню на первое место в аграрной политике, наряду с двумя другими сторонами проблемы *«сань нун»* — сельским хозяйством и крестьянст-

вом. Взяв за основу первоначально выдвинутую задачу модернизации сельского хозяйства, съезд предложил новую концепцию **«модернизации сельского хозяйства и деревни»**.

– Неотъемлемой составной частью *стратегии подъема деревни* выступает новая концепция отношений города и деревни, включающая две установки: **«интегрированное развитие города и деревни»** (*чэн сянь жунхэ фачжань*) и **«создание здорового системного механизма и системы политик интегрированного развития города и деревни»**. Первая установка гарантирует равное и одинаково важное место деревни и города, вторая направлена на решение проблемы неравного положения деревни, демонтаж двухосновной структуры города и деревни.

Центральная задача *стратегии подъема деревни* в докладе XIX съезду КПК поставлена предельно четко: **форсировать модернизацию сельского хозяйства и деревни, решить в корне аграрную проблему, поднять деревню**. Осуществление модернизации сельского хозяйства и деревни носит комплексный характер, охватывая пять основных сфер общественного производства и жизни сельского социума: экономическая, экологическая, культурная, управление и социальная. По-китайски: «возрождение производства» (*чанье синван*), «благоустроенность с точки зрения экологии» (*иэнтэй ицзюй*), «цивилизованность местных нравов» (*сяньфэн веньмин*), «эффективность управления» (*чжили еусяо*) и «зажиточность жизни» (*иэньхо фуиуй*)⁴⁷.

Главная задача *модернизации сельского хозяйства, деревни*, в свете новой аграрной стратегии XIX съезда КПК, по разделу экономики сформулирована так: **«поднять качество развития сельского хозяйства, сформировать потенциал новых движущих сил для развития деревни»**⁴⁸.

Реализация *стратегии подъема деревни* рассчитана на три этапа (шага).

I этап (2018–2020 гг.) включает решение двух «ключевых задач» — создание стабильной институциональной основы *стратегии подъема деревни* и полное преодоление бедности в стране. Первая задача: формирование системной (институциональной и правовой) основы *стратегии подъема деревни*, охватывающей все пять основных ее направлений: экономическое, политическое, культурное, социальное, экологическое. Вторая задача — завершающий этап борьбы по преодолению бедности. «Борьба по преодолению бедности — это фактически “нижняя граница” первого этапа осуществления *стратегии подъема деревни*. Нельзя допустить, чтобы, проблема бедности мешала началу *стратегии подъема деревни*, но в еще большей мере нельзя допустить, чтобы проблема бедности тянула эту стратегию вспять»⁴⁹.

II этап (2021–2035 гг.) включает реализацию *стратегии подъема деревни* на основе созданного институционального (системного) «каркаса». Его главная задача — форсирование модернизации сельского хозяйства, деревни. «Ключевые задачи» второго этапа (15 лет): *преобразование отношений города и деревни, развитие коллективной экономики деревни* (как основы развития современного сельского хозяйства, гаранта продовольственной безопасности Китая), увязка мелкого крестьянского двора с развитием современного сельского хозяйства, *развитие всех направлений стратегии подъема деревни* (экономического, экологического, культурного и пр.)

III этап (2036–2050 гг.): поскольку к 2035 г. будет в основном осуществлена модернизация сельского хозяйства, деревни, подъем ее войдет в завершающую стадию. На этом последнем стратегическом этапе основные усилия будут направлены на решение самых трудных ключевых проблем: особо усилено внимание к развитию культурного и экологического строительства, к созданию новой системы управления в деревне.

Согласно последним данным, уже завершена разработка конкретной программы реализации *стратегии подъема деревни*, которая была рассмотрена на заседании Политбюро ЦК КПК. Осуществление стратегии подъема деревни уже практически началось — с ее экономического блока («возрождения производства»).

Новые исторические шансы

Главное социальное противоречие в деревне, как мы убедились, является весьма глубоким. По признанию китайских ученых, из всех стоящих перед новой аграрной стратегией проблем самые трудные три: кадры, дефицит средств, стимулирование роста доходов крестьян⁵⁰ (эти проблемы в статье были частично затронуты). Но имеются и еще более сложные вызовы — обеспечить в целом последовательный транзит от традиционного общества к современному, к реализации «китайской мечты». И на все это остается лишь три десятилетия. К тому же, как отметил Си Цзиньпин на заседании Политбюро ЦК КПК, посвященном очередной теме коллективной учебы «Осуществление стратегии подъема деревни», «это невиданный, великий проект, которому нет аналога ни в прошлом, ни в настоящем, и нет опыта, который можно было бы заимствовать»⁵¹. Другими словами, самая большая трудность — в сложности самих целей и задач *стратегии подъема деревни*.

При этом впервые за долгие годы у деревни появились реальные шансы возрождения и активного развития. Это, прежде всего, *объективная необходимость преодоления отставания деревни как одно из незаменимых условий решения задачи построения общества «полного сяокан», преодоления бедности и социалистической модернизации страны, реализации «китайской мечты»*. Выдвижение *стратегии подъема деревни* — свидетельство признания руководством КНР этой объективной необходимости.

Это — новое положение деревни в системе отношений «город — деревня», которое может обеспечить ей вторую жизнь как полноценного социума наряду с городом путем тесной увязки урбанизации с модернизацией. Новейшей истории страны стало угодно, чтобы деревня, ее ресурсы — пространственно-территориальные, природные, людские, производственные, экономические, экологические, рекреационные и прочие — оказались в одночасье востребованными. Их значимость начинает расти. Задача *стратегии подъема деревни* как раз в том, чтобы максимально вовлечь эти ресурсы деревни в общественное производство, в процесс модернизации.

Главное здесь в том, что *дальнейшее поступательное социально-экономическое развитие страны (и социалистической модернизации особенно) может быть обеспечено во многом (или даже только так) за счет создания «нового пространства занятости», место которого оказывается в деревне, причем обеспечено на должном технологическом уровне (т.е. прогресса производительности труда) и с сохранением экологии*.

Иначе говоря, второй шанс деревни — возрождение через сельскую урбанизацию. По оценкам, чтобы поднять эффективность сельского хозяйства на современный уровень с земли должно уйти еще порядка 150–200 млн человек сельскохозяйственной рабочей силы, но теперь задачу обеспечения несельскохозяйственной занятости будут между собой делить город и деревня.

Для этого необходимо полноценное возрождение и всестороннее развитие деревни как равноправного субъекта национальной экономики. Нужны огромные средства и сильная поддержка государства. Не случайно XIX съезд КПК одним из принципов реализации новой стратегии назвал *первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни, а стратегия подъема деревни вписана в новый Устав КПК*.

Этот шанс китайской деревни уникален. Удастся ли в полной мере воспользоваться им, реализовать его, покажет время. Только тогда Китай сможет действительно превратиться в экономически сильную современную ведущую державу.

-
1. Полный текст доклада Си Цзиньпина XIX съезду КПК. URL: <http://china/caixin.com/2017-10-18/101158185.html/sourceEntityId=101158466> (на кит.яз.)
 2. Документ ЦК КПК и Госсовета КНР № 1 (2018 г.). URL: http://www.gov.cn/zhence/2018-02/04/content_5263807.htm.

3. Полный текст доклада Си Цзиньпина XIX съезду КПК.
4. Там же.
5. Там же.
6. Документ ЦК КПК и Госсовета КНР № 1 (2018 г.)
7. Три составные части, или ключевые звена аграрной проблемы Китая (сельское хозяйство — деревня — крестьяне).
8. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
9. Чжунго нунцунь цзинцзи. 2016. № 10. С. 3.
10. Согласно данным Министерства сельского хозяйства КНР, земельный надел подрядного двора за 26 лет (1986–2008) сократился почти на 40%. По статистике, в начале 2000-х годов в 1/3 провинций душевой размер земли был менее 1 му (0,067 га), а в 1/3 уездов — менее 0,046 га. Т.е. к началу 2000-х годов в 1/3 провинций способность земли обеспечить существование крестьян опустилась до нижней черты.
11. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
12. Чжунго нунцунь цзинцзи. 2003. № 1. С. 23.
13. Подробнее см.: Бони Л.Д. Аграрная проблема Китая. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 17–22.
14. Виноградов А.В. XIX съезд КПК: великий поход к возрождению // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 1. С. 77.
15. Нунцунь цзинцзи люйпишу. 2006–2007 гг. С. 51–52; 2014–2015 гг. С. 30–31.
16. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
17. Вань Баожуй. Вого нунцунь гайгэ ды гуанхуэй личэн юй цзибэньцзиньян: [Блестящий процесс и основной опыт реформы в деревне страны] // Жэньминь жибао. 23.07.2018. URL: [http://theory/people.com.cn/n1/2018/0723/c40531-30162888.html](http://theory.people.com.cn/n1/2018/0723/c40531-30162888.html).
18. Чжунго нунцунь цзинцзи. 2016. № 10. С. 3.
19. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
20. Там же.
21. Чжунго нунцунь яньцзю баогао. 2004 / Центр изучения аграрной экономики МСХ КНР. С. 28.
22. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
23. Там же. С. 7.
24. Лю Шанси. Совершенствовать систему имущественного права в деревне, сокращать разрыв в уровне доходов в городе и деревне. URL: http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id=36691.
25. Бони Л.Д. Деревня — «ключевое звено» построения общества сяокан // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 46–53.
26. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
27. ГСУ КНР. 2018 г. Е-КНР. 2012–2013 г. С. 164.
28. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
29. Liang Liang Gao, Jiao Yan, Yue Du. Identifying the Turning Point of the Urban-Rural Relationship: Evidence from Macro Data // China and World Economy. 2018. Vol. 26. № 1. P. 9.
30. URL: <http://china.caixin.com/2017-03-15/101066409.html?source=EntityId=101141682>.
31. URL: <http://china.caixin.com/2017-10-16/101158466.html>.
32. Чжунхуа жэньминь чунхэго 2017 нянь гомина цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи баогао: [Доклад о развитии национальной экономики и социальной сферы КНР за 2017 г.] / ГСУ КНР. URL: http://WWW.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201802/t20180228_1585631.html.
33. Там же.
34. Сегодня в структуре прироста городского населения: 16% составляет естественный прирост, 5% — бывшие мигранты, получившие городскую прописку, 26% — прирост числа мигрантов-рабочих, а остальные 53% — это т.н. местные мигранты (*бэньди*). Данные этой части структуры городского населения, т.е. «переместившегося населения недалеко от дома», представляют собой в основном результаты изменений административного районирования, как, например, перевод уезда в город, перевод волости — в поселок, деревни — в поселок и других способов фиксации прироста городского населения. Т.е. это — чисто статистические изменения, хотя многие лица из этой категории даже получили городскую прописку. Это, по сути, не затронуло ни характер занятости, ни места проживания и не явилось итогом новой перегруппировки рабочей силы (Цай Фан. Как поддержать более длительный путь урбанизации нового типа // Сюэси жибао. 27.04.2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0427/c40531-29953600.html>).

35. Эти так называемые сельские мигранты — вновь сформировавшаяся рабочая сила из числа учащихся и выпускников начальнo-средних, высших и средних учебных заведений (в том числе бросивших учебу), в основном соответствующих возрастной группе сельского населения от 16 до 19 лет. Долгое время численность этой особой возрастной группы быстро росла, вплоть до 2014 г., после чего началось быстрое сокращение ее прироста, пока он не исчерпался. И как раз с 2014 г. начал также сокращаться прирост рабочей силы, приходивший из деревни в город (т.е. вдали от дома). См.: Сюэси шибао. 27.04.2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0427/c40531-29953600.html>.
36. Там же.
37. Под понятием «урбанизация нового типа» китайские ученые имеют в виду миграцию сельского населения в город, когда получение занятости сопровождается получением городской прописки и пакета основных социальных услуг.
38. URL: http://www.agri.cn/V20SC/jjps/201801/t20180124_6040519.htm.
39. URL: http://agri.cn/V20/SC/jjps/201801/t20180124_6040521.htm.
40. Жэньминь жибао. 13.04.2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0413/c40531-29923855.html>.
41. Сюэси шибао. 27.04.2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0427/c40531-29953600.html>.
42. Там же.
43. Там же.
44. Там же.
45. URL: http://rdi.cass.cn/xsdt/201704/t20170419_341221.shtml.
46. Полный текст доклада Си Цзиньпина XIX съезду КПК.
47. Там же.
48. Документ ЦК КПК и Госсовета КНР № 1 (2018 г.)
49. Ван Яхуа. Как осуществлять стратегию подъема деревни в « три шага» // Жэньминь жибао. 13.04.2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0413/c40531-29923855.html>.
50. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
51. Жэньминь жибао. 23.09.2018. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2018/0923/c1024-30309375/html>.